

ЗОНА ОТЧУЖДЕНИЯ

Книга I

«Четыре минуты»

СЕВЕРНЫЙ-17

Вадим Кузнецов

**Зона отчуждения. Книга
I: «Четыре минуты»**

«Автор»

2026

Кузнецов В. В.

Зона отчуждения. Книга I: «Четыре минуты» / В. В. Кузнецов — «Автор», 2026

****Зона Отчуждения**** Андрей никогда не верил в истории о заброшенной станции, где часы останавливаются на четыре минуты, а люди возвращаются оттуда уже не совсем теми, кем были. Для него это было частью прошлого — странного исчезновения отца и семейных тайн, о которых мать предпочитала молчать. Но однажды Андрей замечает, что время действительно может остановиться. Всего на четыре минуты. После этого в его жизни начинают появляться вещи, которым не должно существовать: фотографии с событиями из будущего, записи, сделанные его собственной рукой, двери, ведущие туда, где их быть не может, и люди, которых он помнит, хотя никогда не встречал. Пытаясь разобраться в происходящем, Андрей узнаёт о старом эксперименте, станции и загадочной Зоне, существовавшей задолго до него. Но Зона не преследует человека и не убивает его. Она предлагает ему то, чего он хочет больше всего, — возможность изменить прошлое.

© Кузнецов В. В., 2026

© Автор, 2026

Вадим Кузнецов

Зона отчуждения. Книга

I: «Четыре минуты»

ЗОНА ОТЧУЖДЕНИЯ

Книга I: «Четыре минуты»

ПРОЛОГ

В 17:42 человек понял, что время можно сломать.

Он понял это не по приборам. Приборы как раз показывали идеальный порядок.

Секундомер шёл.

Лампы горели.

Генератор выдавал стабильное напряжение.

Температура в лаборатории держалась на отметке двадцать два градуса.

Только часы на стене показывали 17:42.

Они показывали это уже третий час.

— Ещё раз, — сказал руководитель эксперимента.

— Мы уже сделали шесть попыток.

— Значит, будет седьмая.

За стеклом стояли четверо исследователей. В центре помещения находилась конструкция, похожая на большое металлическое кольцо. Внутри кольца воздух дрожал, словно над раскалённым асфальтом.

— Запускаю.

Генератор загудел.

17:42.

На долю секунды всё погасло.

А потом в лаборатории стало на одного человека больше.

Никто не успел спросить, кто он.

Человек стоял спиной.

На нём была одежда одного из исследователей.

Он медленно повернулся.

И руководитель эксперимента увидел собственное лицо.

— Не выключайте, — сказал двойник.

— Почему?

— Потому что если выключите, четыре минуты останутся здесь навсегда.

[РАСШИРЕННАЯ СЦЕНА]

Эксперимент начался не с громкого взрыва и не с тревоги на пульте. Самое страшное в нём было то, что первые несколько секунд ничего необычного не происходило. Люди в белых халатах продолжали делать записи, проверять датчики и спорить о показаниях. Мир не предупредил их, что через несколько минут станет другим. Руководитель проекта Аркадий Сергеевич смотрел на кольцо и думал только о том, что наконец получил результат. Воздух внутри конструкции дрожал, как поверхность воды. Затем появился второй силуэт. Он не вошёл в комнату. Он словно был там всегда, просто до этой секунды никто не мог его увидеть. Двойник поднял глаза и назвал по имени каждого присутствующего. Потом сказал фразу, которую

позднее вырезали из всех копий отчёта: «Не пытайтесь вернуть то, что уже произошло». Никто его не послушал. Именно поэтому семь лет спустя Андрей получил письмо.

НОВАЯ РОМАННАЯ СЦЕНА

Письмо пришло в обычном белом конверте.

Без обратного адреса.

Андрей сначала решил, что это реклама. Положил конверт на край стола и продолжил работать. Через десять минут снова посмотрел на него.

Почему-то казалось, что конверт лежит ближе.

Он измерил расстояние от края стола.

Двадцать сантиметров.

Андрей усмехнулся собственной глупости.

Открыл.

Внутри был один лист.

«Андрей.

Если ты это читаешь, значит, Сергей не смог закончить.

Приезжай на Северный-17.

17:42.

Не опаздывай».

Подписи не было.

Андрей перечитал три раза.

Имя Сергея не произвело того эффекта, которого он ожидал.

Не было вспышки воспоминаний.

Не было страха.

Только усталость.

Семь лет.

Он семь лет пытался не думать об этом человеке.

Сергей исчез в ночь, когда Андрей ещё верил, что любые пропажи можно объяснить.

Потом были заявления, разговоры, полиция, поиски. Потом тишина.

И вот теперь четыре строки на листе.

Андрей подошёл к шкафу.

На верхней полке лежала коробка.

Он не открывал её несколько лет.

Внутри были старый телефон Сергея, фотография и железнодорожный билет.

Андрей достал билет.

Он помнил его.

Точно.

Но сейчас на нём появилась дата, которой раньше не было.

Завтра.

А время — 17:42.

Он долго смотрел на бумагу.

Потом положил билет обратно.

И только тогда заметил, что конверт на столе пуст.

Листа внутри больше не было.

Андрей поднял глаза.

Лист лежал рядом с ним.

Но теперь на нём было ещё одно слово:

«НЕ БОЙСЯ».

Он не стал спорить с бумагой.

Собрал вещи.

ГЛАВА 1

ПИСЬМО

Андрей не любил дождь.

Не потому, что промокал. Он вообще редко обращал внимание на погоду. Просто дождь делал город похожим на старую фотографию: серой, размытой и какой-то чужой.

В тот вечер он сидел на кухне, смотрел в окно и пытался закончить работу.

На столе лежал ноутбук.

На экране — таблица.

На краю стола — кружка давно остывшего кофе.

Телефон лежал экраном вниз.

Он перевернул его, посмотрел на время и снова положил.

18:16.

Семь лет назад в этот же день Андрей последний раз разговаривал с Сергеем.

Он давно перестал считать эту дату особенной.

Почти перестал.

Звонок в дверь заставил его вздрогнуть.

Он никого не ждал.

Андрей подошёл к двери, посмотрел в глазок.

На площадке никого.

Только конверт лежал на коврике.

Он поднял его.

Имя было написано от руки.

АНДРЕЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ.

Без адреса.

Без марки.

Без штампа.

Он занёс конверт в квартиру.

Сначала хотел выбросить.

Потом заметил маленькую цифру на обратной стороне.

17:42.

Андрей застыл.

Он открыл конверт ножом.

Внутри была фотография.

Старая железнодорожная станция.

Лес.

Полуразрушенное здание.

И человек, стоящий у края платформы.

Сергей.

Андрей сел.

Семь лет.

Семь лет он видел эту фотографию только во сне.

Сергей исчез без следа. Поиски продолжались месяц. Потом два. Потом следователь позвонил Андрею и сказал:

«Мы сделали всё возможное».

Он тогда не ответил.

На обороте фотографии было написано:

«Я жив. Не ищи меня после 17:46».

Ниже другой рукой:

«Если всё-таки решишься — не верь часам».

Телефон зазвонил.

Андрей посмотрел на экран.

Номер отсутствовал.

— Да?

Молчание.

— Кто это?

Только слабое дыхание.

Потом голос.

— Андрей.

Он сразу узнал его.

Сергей.

— Где ты?

— Не задавай вопросов.

— Сергей, где ты?

— У тебя осталось четыре минуты.

— До чего?

Щелчок.

Связь оборвалась.

Андрей несколько секунд сидел неподвижно.

Потом посмотрел на фотографию.

На часы.

17:42.

Хотя на телефоне было 18:17.

[РАСШИРЕННАЯ СЦЕНА]

Андрей долго не решался снова посмотреть на фотографию. Он положил её лицом вниз, налил себе воды и попытался включить телевизор, лишь бы заполнить квартиру чужими головами. Телевизор не включился. На экране появилась рябь, а потом на долю секунды — та же станция. Андрей выключил питание из розетки. Рябь осталась. Он почувствовал то неприятное ощущение, которое возникает, когда в комнате находится кто-то ещё. Но квартира была пуста. Он проверил замок, окна, балкон. Всё было закрыто.

В 18:20 телефон снова зазвонил. На экране по-прежнему не было номера. Андрей не ответил. Звонок прекратился. Через несколько секунд пришло сообщение: «Ты уже опоздал на семь лет». Он перечитал его трижды. Затем пришло второе: «Но у тебя ещё есть четыре минуты». В этот момент часы на кухне щёлкнули и остановились на 17:42. Андрей понял, что дело не в фотографии. Кто-то или что-то знало о нём слишком много. Он достал старую куртку Сергея из шкафа, которую семь лет не решался выбросить, и нашёл во внутреннем кармане железнодорожный билет. На нём было написано: «Северный-17. Один пассажир». Дата отсутствовала.

НОВАЯ РОМАННАЯ СЦЕНА

До Северного-17 было чуть больше двух часов.

Андрей выехал поздно.

Сначала он включил радио. Потом выключил. Потом снова включил.

Диктор говорил о пробках, погоде и ремонте дороги.

Обычные новости.

Андрей держался за руль обеими руками.

Через сорок минут он увидел дорожный знак.

«Северный-17 — 38 км».

Он никогда раньше не замечал этого указателя.

Через десять минут появился второй.
«Северный-17 — 38 км».
Андрей сбросил скорость.
Проехал ещё километр.
Третий знак.
Та же надпись.
Та же цифра.
38 км.
Он остановил машину.
Вышел.
Вокруг был лес.
Ни домов, ни людей.
Только мокрый асфальт и запах земли.
Андрей посмотрел назад.
Дорога была пустой.
Он сел обратно и поехал.
Через двадцать минут появился указатель:
«Северный-17 — 17 км».
Андрей выдохнул.
Потом увидел рядом маленькую автобусную остановку.
На скамейке сидел мужчина.
Андрей проехал мимо.
В зеркале мужчина поднял голову.
Андрей затормозил.
Посмотрел назад.
Остановка была пустой.
Он не стал возвращаться.
Телефон показал 17:16.
До встречи оставалось двадцать шесть минут.
Впервые за поездку Андрей понял: он уже не едет к месту.
Место само ведёт его к себе.
ПОЛНОЦЕННАЯ СЦЕНА V8
Обычная жизнь возвращалась медленно.
Илья устроился на новую работу.
Максим начал ремонтировать квартиру.
Они почти не говорили о прошлом.
Но прошлое иногда приходило само.
Однажды Максим купил новые часы.
Принёс домой.
Повесил на стену.
В 17:47 часы остановились.
Максим снял их.
Разобрал механизм.
Он работал идеально.
Он поставил часы обратно.
Они пошли.
Через минуту снова остановились.
Максим позвонил Илье.
— У тебя есть такие?

— Какие?

— Часы.

— Обычные.

— Тогда приезжай.

Илья приехал.

Они стояли перед часами.

17:47.

— Что будем делать?

Илья посмотрел на него.

— Ничего.

— Просто оставить?

— Да.

Они ушли на кухню.

Через десять минут часы снова пошли.

Максим посмотрел на Илью.

— Вот так просто?

— Иногда страх заканчивается, когда перестаёшь ему отвечать.

Максим кивнул.

Но ночью часы снова остановились.

И на этот раз никто не пошёл проверить.

Андрей ещё долго не садился.

Он стоял возле окна и смотрел, как двор медленно погружается в вечер. В окнах соседнего дома загорались квадраты света. Кто-то включил телевизор. Где-то наверху ребёнок смеялся, потом женщина резко сказала ему перестать бегать.

Обычная жизнь.

Андрей вдруг понял, что именно обычная жизнь всегда казалась ему чем-то само собой разумеющимся.

До сегодняшнего дня.

Он взял письмо и положил его в ящик стола.

Через минуту достал обратно.

Положил в карман.

Потом снова вынул.

Ему было сорок один, и он давно перестал верить в знаки. В школе он верил во всё подряд. В детстве мог часами смотреть на облака и находить там лица. Потом научился объяснять происходящее.

Случайность.

Совпадение.

Ошибка памяти.

Но существовала одна вещь, которую он так и не научился объяснять.

Почему некоторые события человек вспоминает не тогда, когда хочет, а тогда, когда ему становится страшно.

Сергей исчез восемь лет назад.

И всё это время Андрей ни разу не видел его во сне.

До сегодняшней ночи.

Он проснулся в 3:17.

Сердце билось быстро.

Ему приснилась железнодорожная платформа.

Он стоял один.

На табло горело:

17:42.

А из темноты приближался поезд.

Андрей во сне знал, что нельзя садиться.

Но кто-то внутри вагона стучал в стекло.

Тук.

Тук.

Тук.

И говорил:

— Ты уже опоздал.

Андрей сел в кровати.

Комната была тёмной.

Телефон показывал 3:17.

Он включил свет.

На столе лежал конверт.

Хотя вечером он убрал его в ящик.

Андрей долго смотрел на него.

Потом сказал:

— Ладно.

И впервые решил, что поедет.

Поезд шёл слишком тихо.

Андрей ожидал грохота колёс, вибрации пола, привычного скрежета металла.

Но вагон двигался почти бесшумно.

Максим стоял у окна.

За стеклом ничего не было.

Не ночь.

Не лес.

Не город.

Только густая темнота, в которой иногда вспыхивали отдельные окна.

— Ты их видишь? — спросил Максим.

— Что?

— Окна.

Андрей посмотрел.

Теперь видел.

Сотни.

Некоторые горели в пустоте, будто висели сами по себе.

За одним стоял мальчик.

За другим — женщина.

В третьем Андрей увидел свою квартиру.

Он отвернулся.

— Не смотри.

— Почему?

— Потому что не знаешь, что увидишь.

Максим усмехнулся.

— Я уже знаю.

— Что?

— То, что хочу увидеть.

Они прошли дальше.

В вагоне было всего шесть сидений.

На каждом лежала какая-то вещь.

Часы.
Детская игрушка.
Фотография.
Ключ.
Телефон.
И старый билет.
Максим взял фотографию.
Лена.
Молодая, улыбающаяся.
— Это она.
Андрей не стал спорить.
— Где ты её взял?
— На сиденье.
— Нет. Я про фотографию.
Максим посмотрел на него.
— Она была у меня.
— Когда?
— Всегда.
Андрей понял, что фотография изменилась.
На ней появилась ещё одна фигура.
Андрей.
Стоящий рядом с Леной.
Хотя они никогда не встречались.
В динамике раздался голос:
— До остановки четыре минуты.
Максим поднял голову.
— Кто объявляет остановку в поезде, которого нет?
Андрей посмотрел на часы.
17:48.
Он похолодел.
— Уже прошло четыре минуты.
Максим взглянул на свои часы.
17:44.
— У меня 17:44.
Они посмотрели друг на друга.
Каждый видел своё время.
Поезд продолжал ехать.
Андрей не открывал коробку три дня.
Она стояла на верхней полке.
Обычная картонная коробка.
Но он каждый раз замечал её, проходя мимо.
На четвёртый день Максим позвонил.
— Часы у тебя?
— Да.
— Они что-нибудь делают?
— Нет.
— Тогда хорошо.
— Почему?
— Потому что у меня другие.

Андрей замолчал.

— Какие?

— Такие же.

Вечером Максим приехал.

Достал из рюкзака маленькую коробку.

Внутри лежали часы.

17:42.

Стрелки не двигались.

Андрей поставил их рядом со своими.

Они остановились одновременно.

— Откуда?

— Из квартиры Лены.

— Ты раньше их не видел?

— Нет.

— Тогда почему забрал?

Максим посмотрел на него.

— Потому что на обратной стороне была надпись.

Он перевернул часы.

«НЕ ОТДАВАЙ АНДРЕЮ».

Андрей усмехнулся.

— Очень убедительно.

— Я тоже так подумал.

— И всё равно принёс.

— Да.

— Почему?

Максим ответил:

— Потому что под этой надписью была другая.

Он показал.

«ОН УЖЕ ЗНАЕТ».

Андрей перестал улыбаться.

— Знает что?

Максим пожал плечами.

— Надеялся, что ты скажешь.

Андрей посмотрел на две пары часов.

— Я ничего не знаю.

И именно в этот момент обе стрелки двинулись.

17:43.

Максим тихо сказал:

— Теперь знаешь.

Утром Андрей проснулся раньше будильника.

На тумбочке лежала записка.

Он точно помнил, что вечером её там не было.

«Не пытайся вспомнить всё сразу».

Почерк был отцовский.

Андрей перечитал строку.

Потом перевернул лист.

На обороте:

«Память — не архив. Если открыть все ящики одновременно, ты не найдёшь правду. Ты найдёшь себя».

Он долго сидел на кровати.
В детстве отец часто говорил ему: не бойся забывать.
Андрей всегда считал это странностью.
Теперь понял — отец говорил не о забывчивости.
Он говорил о защите.
Внизу, под подписью, стояла дата.
За два дня до смерти отца.
Андрей посмотрел на часы.
08:17.
Обычное утро.
И впервые ему захотелось не искать Зону.
Ему захотелось понять отца.
Он взял куртку и поехал туда, где прошло детство.

ГЛАВА 2

ДОРОГА

Он выехал через двадцать минут.
Сам не мог объяснить почему.
Возможно, потому что семь лет ждал именно этого звонка.
Возможно, потому что человек иногда способен провести годы, убеждая себя, что забыл,
но один знакомый голос разрушает всю эту работу за несколько секунд.
Станция находилась в ста шестидесяти километрах от города.
Андрей помнил дорогу.
Восемь лет назад они ездили туда вместе.
Тогда Сергей ещё работал инженером в исследовательском центре.
Официально центр занимался измерением геофизических аномалий.
Неофициально — никто не знал.
Сергей говорил, что иногда приборы фиксируют места, где пространство ведёт себя
неправильно.
Андрей смеялся.
— Пространство не может вести себя неправильно.
— Может.
— Пространство — это пространство.
— Вот поэтому ты и не физик.
Тогда Андрей считал это шуткой.
Теперь уже нет.
Через два часа город исчез.
Дорога сузилась.
Начался лес.
Дождь закончился так же внезапно, как начался.
Андрей посмотрел на приборную панель.
17:41.
Он нахмурился.
Потянулся к телефону.
18:49.
Приборная панель снова мигнула.
17:42.
Андрей остановил машину.
Он сидел и слушал двигатель.

Тик.
Тик.
Тик.
Секундная стрелка часов на панели двигалась.
17:42:01.
17:42:02.
17:42:03.
Потом вернулась.
17:42:00.
Андрей выключил двигатель.
Вышел.
Лес был совершенно тихим.
Не просто тихим.
Пустым.
Ни птиц.
Ни насекомых.
Ни ветра.
Он достал фотографию.
Станция должна быть впереди.
Три километра.
Он пошёл.
Через десять минут увидел бетонный столб.
На нём были выцарапаны слова:
НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ.
Андрей остановился.
— Сергей?
Ответа не было.
Он продолжил.
Через сто метров голос прозвучал снова.
— Андрей.
Сзади.
Он замер.
— Я знаю, что ты меня слышишь.
Это был Сергей.
Точно Сергей.
Андрей закрыл глаза.
— Не оборачивайся, — сказал голос.
Андрей не обернулся.
— Просто иди.
Он сделал шаг.
— Я ждал тебя.
Ещё шаг.
— Семь лет.
Андрей сжал кулаки.
— Сколько времени?
— Четыре минуты.
Андрей посмотрел на часы.
17:42.
Он впервые почувствовал настоящий страх.

[РАСШИРЕННАЯ СЦЕНА]

Дорога становилась знакомой слишком быстро. Андрей помнил поворот у старого карьера, бетонную водонапорную башню и заброшенную заправку, хотя не ездил сюда много лет. Несколько раз он пытался включить навигатор. Карта зависала ровно на одном месте. Синяя точка стояла посреди леса, хотя машина продолжала двигаться.

На обочине Андрей заметил человека в серой куртке. Тот стоял неподвижно и смотрел вслед машине. Андрей проехал дальше, но через километр снова увидел его. Та же куртка. Те же ботинки. Та же поза. На третий раз Андрей остановился. Человек исчез. На мокром асфальте остались следы, ведущие от машины прямо в лес. Они обрывались через четыре шага.

Андрей не пошёл по ним. Он впервые понял простое правило: Зона не заставляет человека делать что-либо. Она предлагает. А человек сам решает, что считать приглашением. Эта мысль потом будет спасать ему жизнь.

ПОЛНОЦЕННАЯ СЦЕНА V8

Днём Андрей попытался убедить себя, что письмо можно выбросить.

Он положил его в мусорное ведро.

Через минуту достал.

Потом снова выбросил.

В третий раз заметил на обратной стороне конверта свой старый домашний адрес.

Он не помнил, чтобы когда-нибудь писал его Сергею.

Вечером позвонила мать.

— Ты сегодня заедешь?

— Не знаю.

— Ты опять уезжаешь?

Андрей посмотрел на билет.

— Ненадолго.

— Куда?

Он хотел ответить правду.

Не смог.

— По делам.

Мать помолчала.

— Ты всегда говоришь «по делам», когда тебе страшно.

Андрей улыбнулся.

— Откуда ты знаешь?

— Я твоя мать.

После звонка он долго сидел на кухне.

В обычной квартире, среди обычных вещей, решение казалось простым.

Не ехать.

Закрыть тему.

Выбросить билет.

Лечь спать.

Но Андрей уже понимал главное правило любой ловушки: она должна дать человеку возможность уйти.

Иначе это не ловушка.

Это клетка.

Он взял билет.

— Ладно, — сказал он пустой кухне. — Поеду.

И впервые после этого ему стало немного легче.

ПОЛНОЦЕННАЯ СЦЕНА V8

Максиму не нравилась тишина архивов.

В тишине любой шорох казался шагом.
Он шёл между стеллажами, пока Илья проверял документы.

— Нашёл что-нибудь?

— Пока нет.

— А если мы вообще ищем не там?

Илья поднял глаза.

— Тогда найдём место, где искали неправильно.

Максим усмехнулся.

— У тебя всё так просто.

— Нет.

Илья положил папку на стол.

— Просто я стараюсь не паниковать.

Максим хотел ответить, но заметил на стеллаже книгу.

Обычную библиотечную книгу.

На корешке не было названия.

Он вытащил её.

Внутри все страницы были чистыми, кроме последней.

Там стояла одна строка:

«МАКСИМ ОТКРОЕТ ТРЕТЬЮ ДВЕРЬ».

Максим захлопнул книгу.

— Что?

— Ничего.

Илья забрал книгу.

— Ты врёшь.

— Да.

— Почему?

— Потому что если скажу, ты пойдёшь проверять.

Илья посмотрел на него.

— А ты?

Максим ответил:

— А я уже хочу.

Дома Андрей долго не мог решить, что именно его тревожит сильнее: содержание письма или то, что письмо оказалось у него на кухне совершенно обычным способом.

Он поставил чайник, открыл холодильник, достал молоко. Всё было настолько привычным, что происходящее казалось почти смешным.

Он даже сказал вслух:

— Ну и что теперь?

Квартира не ответила.

На холодильнике висел старый магнит с фотографией моря. Андрей когда-то привёз его из отпуска. На фотографии они стояли втроём: он, мать и отец.

Андрей снял магнит.

Отец смотрел в объектив.

В этот момент Андрею показалось, что фотография стала другой.

Он поднёс её ближе.

Нет.

Всё на месте.

Только дата в углу снимка была плохо различима.

Он включил свет над столом и увидел цифры:

17.42.

Андрей положил фотографию обратно.

Телефон завибрировал.

Сообщение от матери:

«Не забудь заехать».

Он набрал ответ, потом стёр.

Написал:

«Заеду вечером».

И тоже стёр.

Наконец отправил:

«Хорошо».

Он не знал, почему простое сообщение вдруг стало казаться обещанием.

После обеда Андрей снова достал письмо.

Северный-17.

Он начал искать сведения о станции и постепенно понял, что информации почти нет. Несколько старых железнодорожных схем. Одна фотография платформы. Короткое упоминание о технической ветке.

И ещё одна вещь.

В архивной копии расписания поезд №17 проходил через Северный-17 в 17:47.

А письмо предупреждало о 17:42.

Пять минут разницы.

Андрей записал время на листке.

17:42 — письмо.

17:47 — поезд.

Он сам не заметил, как рядом написал:

«Почему четыре минуты?»

И тогда впервые понял, что собирается ехать не из-за Сергея.

Он собирался проверить, существует ли место, где четыре минуты могут иметь значение.

Утром Андрей проснулся раньше будильника.

Несколько секунд он лежал неподвижно, пытаясь понять, почему сердце бьётся так быстро.

Потом вспомнил письмо.

Сергей.

Северный-17.

17:42.

Он встал, пошёл на кухню и поставил чайник.

Пока вода нагревалась, Андрей открыл шкаф и достал старую кружку отца.

Он не пользовался ею много лет.

На ручке была маленькая трещина.

Отец никогда её не выбрасывал.

Андрей налил чай и сел у окна.

В обычный день он бы открыл новости, посмотрел сообщения, ответил на пару рабочих писем.

Сегодня ничего этого делать не хотелось.

Он открыл старый ноутбук.

Папка с документами отца всё ещё лежала на диске.

Когда-то Андрей хотел её разобрать, но после похорон не смог.

Теперь папка открылась сразу.

Внутри были десятки файлов.

Большинство — обычные документы.

Но один назывался просто:

17_42.

Андрей открыл его.

На экране появилась фотография железнодорожной платформы.

Под ней текст:

«Если ты это читаешь, значит, я не смог объяснить тебе лично».

Андрей замер.

Он начал читать.

«Не верь человеку, который скажет, что знает, как вернуться. Он знает только, как открыть дверь».

Ниже:

«Главная ошибка — думать, что дверь ведёт назад. Она ведёт внутрь».

Андрей перечитал.

Внизу стояла дата.

Через две недели после смерти отца.

Он откинулся на спинку стула.

Значит, отец написал это уже после того, как официально умер.

Он закрыл файл.

Через минуту снова открыл.

Там появилась новая строка.

«Если Андрей всё-таки найдёт это, значит, Сергей снова начал».

Андрей почувствовал холод.

Он проверил дату изменения файла.

Сегодня.

Он смотрел на экран несколько секунд.

Потом компьютер выключился.

Сам.

На чёрном экране отражалось его лицо.

И на секунду ему показалось, что отражение моргнуло чуть позже него.

На следующий день Максим не позвонил.

Андрей тоже не стал звонить.

Иногда молчание было единственным способом проверить, действительно ли решение принято человеком.

Вечером в дверь постучали.

Четыре раза.

Андрей замер.

Потом спросил:

— Кто?

— Я.

Максим.

Андрей открыл.

Максим стоял с пустыми руками.

— Я ничего не принёс.

— Это хорошо.

— Но нашёл.

— Что?

Максим вошёл.

— Четыре минуты.

Андрей посмотрел на него.

— Где?
— В себе.
Он положил на стол телефон.
На экране шла запись.
Максим включил.
Сначала слышалось дыхание.
Потом голос Лены:
— Ты меня отпустил.
Максим закрыл глаза.
— Дальше.
Запись продолжилась.
— Поэтому теперь я могу говорить правду.
Андрей нахмурился.
— Это она?
— Не знаю.
Голос на записи продолжил:
— Зона не держит тех, кто не хочет оставаться.
Андрей спросил:
— Почему она говорит это тебе?
— Потому что ты был рядом.
Запись зашипела.
И появился другой голос.
Старый.
Мужской.
Андрей узнал отца.
— Не верьте двери.
Максим выключил запись.
— Это всё.
Андрей долго молчал.
Потом сказал:
— Нет.
— Что?
— Он сказал «двери».
— И?
— Во множественном числе.
Максим посмотрел на него.
Андрей взял блокнот.
На первой странице написал:
«Зона — не одно место».
Ниже:
«Двери — не входы. Это разные варианты одного выбора».
Он поднял голову.
— Мы всё это время искали выход.
Максим спросил:
— А что, если его никогда не было?
Андрей ответил:
— Тогда мы искали не выход.
— А что?
— Причину остаться.

Школа почти не изменилась.
Тот же длинный коридор.
Те же высокие окна.
Только запах стал другим.
Андрей попросил бывшего завхоза открыть старый архив.
Через полчаса перед ним лежал журнал.
Он листал страницы медленно.
Девять лет.
17-е число.
17:42.
Снова.
И снова.
Но одна запись отличалась.
«Субъект обнаружен после окончания наблюдения».
Имени не было.
Только отметка:
«Наблюдатель».
Андрей нахмурился.
— Кто такой наблюдатель?
Завхоз пожал плечами.
— Не знаю.
— А почему запись сделана карандашом?
— Так раньше делали исправления.
Андрей провёл пальцем по странице.
Под карандашом виднелись буквы.
Он осторожно стёр верхний слой.
Появилась другая фраза:
«Наблюдатель не человек».
Андрей закрыл журнал.
Он понял, что нашёл не ответ.
Он нашёл доказательство того, что взрослые сами не понимали, с чем работали.

ГЛАВА 3

СТАНЦИЯ

Станция появилась между деревьями неожиданно.
Сначала Андрей увидел ржавый семафор.
Потом крышу.
Потом платформу.
Никаких поездов здесь давно не было.
Он поднялся по лестнице.
На двери висел старый замок.
Замок был открыт.
Внутри пахло пылью.
На стене висело расписание.
Все поезда были зачёркнуты.
Кроме одного.
№17.
Время отправления:
17:42.

Андрей посмотрел на свои часы.
Стрелки стояли.
Он толкнул дверь в служебное помещение.
За ней была лестница вниз.
Это было невозможно.
Но Андрей спустился.
На третьем пролёте загорелась лампа.
На пятом — ещё одна.
Внизу был коридор.
И Сергей.
Андрей остановился.
— Ты действительно жив.
Сергей улыбнулся.
Но улыбка была усталой.
— Пока да.
Андрей подошёл.
— Что с тобой произошло?
— Сначала тебе нужно понять, где ты.
— Под станцией?
— Нет.
Сергей показал на часы.
— В четырёх минутах.
— Не понимаю.
— Поймёшь.
Андрей посмотрел на него.
Сергей почти не изменился.
Только глаза стали старше.
— Почему ты не выходил?
— Выходил.
— Тогда почему...
— Каждый раз возвращался сюда.
Сергей открыл металлическую дверь.
За ней была лаборатория.
В центре стоял генератор.
Вокруг — приборы.
На стене висели фотографии.
Андрей увидел себя.
Сергея.
Людей, которых никогда не встречал.
И одну фотографию, от которой у него перехватило дыхание.
На ней он сам стоял рядом с Сергеем.
Только Андрей был старше.
На обороте стояла дата:
2043.
— Что это?
— То, что произойдёт, если мы сейчас ничего не сделаем.
[РАСШИРЕННАЯ СЦЕНА]

В служебном помещении Сергей показал Андрею карту станции. На ней красным карандашом были обведены четыре места. Первое — платформа. Второе — лаборатория. Третье — тоннель под путями. Четвёртое оставалось без подписи.

— Что там? — спросил Андрей.

— Место, которого нет.

— Очень полезный ответ.

Сергей впервые за долгое время усмехнулся. Потом лицо снова стало серьёзным.

— Если увидишь дверь без ручки, не открывай её. Если услышишь детский голос, не отвечай. И если увидишь себя — не спрашивай, какой из вас настоящий.

— Почему?

— Потому что настоящий человек обычно не задаёт этот вопрос.

Андрей посмотрел на коридор. В дальней стене действительно была дверь. Обычная, серая. Только ручки на ней не было. Он сделал шаг, и Сергей резко схватил его за плечо.

— Не сейчас.

За дверью кто-то тихо постучал четыре раза.

Андрей приехал к матери ещё раз уже вечером.

Сам не знал зачем.

Она открыла дверь и сразу спросила:

— Ты нашёл записку?

Он остановился.

— Какую?

— Значит, не нашёл.

— Мам, ты о чём?

Она отошла от двери.

— Проходи.

На этот раз квартира казалась другой.

Не потому, что что-то изменилось.

Наоборот.

Всё было слишком знакомым.

Андрей прошёл в комнату отца.

После его смерти туда почти не заходили. Книги стояли на полках так же, как двенадцать лет назад. Старый радиоприёмник. Лампа. Письменный стол.

— Зачем ты меня сюда привела?

Мать открыла нижний ящик.

Там лежала пачка писем.

— Он писал Сергею.

Андрей взял верхний конверт.

Дата.

За месяц до смерти отца.

«Если устройство действительно работает, я больше не хочу видеть его».

— Что это за устройство?

— Не знаю.

— Ты знала о нём?

— Знала только то, что твой отец боялся.

Андрей открыл следующее письмо.

«Сергей считает, что можно вернуться к моменту до аварии. Я считаю, что человек, который вернулся, уже не тот, кто ушёл».

Андрей поднял глаза.

— Почему ты никогда этого не показывала?

Мать ответила:

— Потому что после похорон ты неделю просыпался ночью и спрашивал, почему папа не вернулся.

Он ничего не сказал.

— Я решила, что тебе нельзя знать.

— А теперь?

— Теперь ты всё равно узнал.

Она подошла к окну.

— Только помни одну вещь, Андрей. Если там тебе покажут отца, это не означает, что он тебя ждёт.

Андрей сложил письма обратно.

Перед уходом мать сказала:

— И ещё.

— Что?

— Он написал, что у Зоны есть память.

Андрей замер.

— У места?

— Так он написал.

— А что это значит?

Мать покачала головой.

— Я не знаю.

Но Андрей уже понял: скоро узнает.

После разговора с матерью Андрей не поехал сразу.

Он зашёл в магазин.

Купил воду, батарейки, фонарь и пачку сигарет, хотя не курил уже почти десять лет.

Продавщица посмотрела на сигареты.

— Вы точно будете курить?

— Не знаю.

— Тогда зачем берёте?

Андрей задумался.

— На всякий случай.

Она пробила покупку.

— Люди обычно так и начинают.

На улице он выбросил сигареты в урну.

Потом достал одну обратно.

Сам удивился.

В машине долго держал её в пальцах.

Вспомнил отца.

Тот курил именно такие.

Андрей вдруг понял, что даже привычка может быть памятью.

Он сломал сигарету пополам.

Положил половинки на панель.

Через несколько минут они исчезли.

Андрей проверил сиденье.

Ничего.

Он обыскал салон.

Сигарет не было.

Только запах табака остался.

Слабый.

Знакомый.

И настолько настоящий, что Андрей впервые испугался не Зоны.

Он испугался того, что начинает хотеть её.

Не чудес.

Не возвращения.

Просто ещё одного разговора с отцом.

И понял: это уже достаточно.

Утром Андрей первым делом посмотрел на часы.

06:11.

Он специально не стал проверять, сколько прошло после ночной встречи.

Ему хотелось хотя бы один день прожить без цифр.

Он поставил кофе.

Открыл окно.

На улице шёл дождь.

Обычный осенний дождь, от которого город становился серым и немного чужим.

Андрей поймал себя на мысли, что скучает по этому ощущению.

По обычной чуждости.

Она была безопаснее той, что он видел там.

Телефон зазвонил.

Мать.

— Ты спал?

— Немного.

— Видел его?

Андрей понял, о ком она.

— Да.

Мать помолчала.

— Он выглядел как раньше?

— Да.

— Значит, это был не он.

Андрей закрыл глаза.

— Почему?

— Потому что твой отец перед смертью сильно изменился.

— Я не понимаю.

— Ты видел его таким, каким хотел помнить.

Андрей ничего не ответил.

Мать продолжила:

— Но это не значит, что он был ложным.

— А что значит?

— Может быть, Зона не умеет возвращать людей. Может быть, она умеет возвращать только то, что мы о них помним.

Андрей посмотрел на окно.

— Тогда кто говорил со мной?

— Тот вопрос ты должен решить сам.

После разговора он долго сидел на кухне.

Потом открыл блокнот.

Написал:

«Отец — воспоминание или человек?»

Ниже:

«Если разницы нет, почему я чувствую себя виноватым?»

Он не нашёл ответа.
Когда Андрей вернулся домой, прошло три дня.
Он точно это знал.
Но календарь показывал четыре.
Мать встретила его в дверях.
Посмотрела на сына.
И ничего не сказала.
Андрей снял куртку.
— Мам?
Она обняла его.
Очень крепко.
— Ты вернулся.
— Да.
— В этот раз один?
Андрей замер.
— Что значит «в этот раз»?
Она отстранилась.
— Ничего.
Но глаза у неё были красными.
На кухне стояла ещё одна чашка.
Андрей посмотрел на неё.
— Кто приходил?
— Никто.
— Тогда зачем две?
Мать не ответила.
Андрей сел.
— Мам.
Она долго молчала.
Потом сказала:
— Пока тебя не было, приходил Сергей.
— Когда?
— Вчера.
— Что сказал?
— Что ты вернёшься сегодня.
Андрей посмотрел на часы.
— Но я вернулся только сейчас.
— Я знаю.
— Тогда откуда он знал?
Мать покачала головой.
— Он оставил записку.
Она достала бумагу.
Там было:
«Не спрашивайте его о поезде».
Андрей перевернул лист.
На обратной стороне:
«Он ещё не помнит, кто вышел».
Андрей перечитал.
— Кто вышел?
Мать побледнела.

— Вот этого я не знаю.
— А Сергей?
— Сергей сказал, что знает.
— Где он?
— Не знаю.
Андрей посмотрел в окно.
На улице шёл человек.
Он остановился.
Поднял голову.
Посмотрел прямо на окно.
Это был Андрей.
Только старше.
Он стоял там несколько секунд.
Потом развернулся и ушёл.
Мать прошептала:
— Ты тоже его видел?
Андрей кивнул.
— Да.
И впервые ему стало страшно не от того, что Зона могла вернуть прошлое.
А от того, что она могла уже создать будущее.
После разговора мать достала ещё одну коробку.
— Это всё, что осталось.
Внутри были детские вещи Андрея.
Рисунки.
Школьные тетради.
Сломанная машинка.
И маленький металлический жетон.
Андрей взял его.
На одной стороне:
17.
На другой:
Н-0.
— Я никогда этого не видел.
— Ты получил его после станции.
— Кто дал?
Мать покачала головой.
— Ты сам сказал, что тебе его дал «друг».
— Какой друг?
— Ты не назвал имени.
Андрей перевернул жетон.
На металле были царапины.
Три короткие.
Две длинные.
Он вдруг вспомнил.
Коридор.
Дверь.
Мужчина без лица.
И звук ногтей по металлу.
— Я знаю этот знак.

Мать посмотрела на него.

— Какой?

— Его оставлял кто-то на двери.

— Ты уверен?

— Да.

Он положил жетон.

Максим, сидевший рядом, спросил:

— А если это не знак?

Андрей посмотрел на него.

— Тогда что?

— Метка.

В комнате стало тихо.

Мать сказала:

— Ваш отец тоже так думал.

— О чём?

— Что детей не выбирали случайно.

Андрей замер.

— Тогда как?

Мать ответила:

— Их выбирали те, кто уже был внутри.

После станции Андрей заметил странную вещь.

Он перестал видеть время 17:42 на электронных часах.

Не на всех.

Только на тех, которые принадлежали ему.

Телефон показывал 17:43.

Компьютер — 17:43.

Часы на кухне — 17:43.

Но старые наручные часы отца остановились на 17:42.

Андрей снял их с руки и положил на стол.

Через несколько минут секундная стрелка дёрнулась.

И пошла.

17:43.

Он не почувствовал страха.

Только удивление.

Получается, часы не сломались.

Они ждали.

Андрей открыл крышку.

Под механизмом была выгравирована маленькая надпись:

«После четырёх минут время снова принадлежит тебе».

Он прочитал её дважды.

Потом понял:

отец знал, что однажды Андрей пройдёт дальше 17:47.

И оставил ему часы именно на этот случай.

После разговора с Михаилом Андрей достал чистую карту.

Он отметил на ней все места, связанные с детьми.

Станция.

Поляна.

Старый дом.

Школа.

Дом Воронцова.
Потом соединил точки.
Получился неправильный круг.
В центре находилось место, которого не было ни на одной карте.
Старый карьер.
Андрей нашёл его название в архиве.
«Нулевая площадка».
Он позвонил Максиму.
— Ты знаешь, что там было?
— Нет.
— Я нашёл координаты.
— Едем?
Андрей посмотрел на часы.
17:41.
— Не сегодня.
— Почему?
— Потому что я впервые хочу приехать туда не в 17:42.
Максим рассмеялся.
— Хорошо.
Они договорились на утро.
Но ночью Андрей проснулся от ощущения, что кто-то стоит рядом с кроватью.
Он не открыл глаза.
Рядом раздался детский голос:
— Правильно.
Андрей не шевельнулся.
— Ты не пошёл вечером.
Он молчал.
— Значит, ты научился.
Голос исчез.
Андрей открыл глаза.
В комнате никого.
Но на полу лежал кусок мела.
Им на двери была нарисована маленькая цифра:
0.

ГЛАВА 4

ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ

Сергей объяснил всё медленно.
Когда-то здесь проводили эксперимент.
Они хотели получить возможность наблюдать прошлое.
Не запись.
Не воспоминание.
Само пространство прошлого.
Эксперимент удался.
Слишком хорошо.
Они увидели комнату такой, какой она была четыре минуты назад.
Но затем кто-то решил увеличить окно.
На пять минут.
На десять.

На час.
И пространство перестало возвращаться назад.
Оно замкнулось.
— Почему именно четыре минуты? — спросил Андрей.
— Потому что это последний отрезок до аварии.
— Какой аварии?
Сергей замолчал.
— Скажи.
— Погибли люди.
— Кто?
— Все.
— Кроме тебя?
— Кроме меня.
Андрей посмотрел на генератор.
— Ты остановишь его?
— Если остановлю один, контур просто перенесётся.
— Куда?
Сергей поднял фотографию.
— В 2043 год.
Андрей вспомнил снимок.
— Поэтому там я?
— Поэтому ты там.
В этот момент лампа мигнула.
Сергей посмотрел на часы.
— Началось.
— Что?
— Новый цикл.
Секундная стрелка двинулась.
17:42:01.
17:42:02.
Коридор изменился.
Андрей услышал звук шагов.
Сзади.
— Не оборачивайся, — сказал Сергей.
— Что происходит?
— Сейчас ты услышишь себя.
Из темноты прозвучал голос Андрея.
— Сергей.
Андрей побледнел.
— Я здесь.
Голос повторил:
— Сергей, не выключай генератор.
Сергей посмотрел на него.
— Вот почему я не мог закончить.
— Что?
— Он всегда говорит это.
— Кто?
Сергей ответил:
— Ты.

[РАСШИРЕННАЯ СЦЕНА]

Сергей достал из шкафа старый магнитофон. На кассете была дата аварии. Запись началась обычным техническим отчётом, но через минуту голоса исследователей стали повторяться. Один и тот же вопрос звучал трижды, причём каждый раз другим голосом.

«Отключаем?»

«Отключаем?»

«Отключаем?»

Потом слышался крик.

Андрей спросил:

— Почему ты сохранил это?

— Потому что хотел доказательство.

— Чего?

— Что я не сошёл с ума.

Сергей перемотал плёнку. На обратной стороне записи был голос Андрея, хотя Андрей в тот день никогда не был в лаборатории.

«Если слышишь это, не пытайся спасти меня».

Андрей выключил магнитофон.

— Я этого не говорил.

— Я знаю.

— Тогда кто?

Сергей посмотрел на часы.

— Вот это мы и пытались выяснить семь лет.

РОМАННЫЙ ПРОХОД

После возвращения Илья долго не говорил о станции.

Максим тоже.

Они оба понимали: если начать подробно вспоминать всё произошедшее, память снова может превратиться в дверь.

Поэтому они говорили о мелочах.

О погоде.

О еде.

О работе.

О том, что Максим снова забыл оплатить телефон.

Обычная жизнь казалась хрупкой.

Но хрупкость не означала слабость.

Однажды Илья заметил, что часы в квартире показывают 17:47.

Он замер.

Максим вошёл в комнату.

— Что?

Илья показал на часы.

— Они остановились.

Максим посмотрел.

Потом подошёл к стене и снял часы.

Вытащил батарейку.

— Всё.

— Просто так?

— Просто так.

Илья засмеялся.

— А если начнётся?

— Тогда начнётся.

— И что будем делать?

Максим положил часы в ящик.

— Жить.

Это слово оказалось самым трудным.

Перед отъездом Андрей всё-таки заехал к матери.

Она открыла дверь почти сразу, словно ждала его у прихожей.

— Ты похудел.

— Я был у тебя неделю назад.

— Вот именно. За неделю люди не должны худеть.

— Спасибо.

— Проходи.

На кухне пахло картошкой и укропом.

Это был тот самый запах, который Андрей помнил с детства. Он сел за стол и вдруг понял, что в последние годы слишком редко позволял себе просто сидеть здесь.

Мать поставила тарелку.

— Ешь.

— Я не голодный.

— Тогда посиди.

Он улыбнулся.

— Ты всегда так говоришь?

— Пока дети не становятся взрослыми.

Андрей опустил взгляд.

На холодильнике висела фотография отца.

Та же самая, которую он видел утром.

— Мам.

— Что?

— Ты помнишь Северный-17?

Рука матери замерла.

Всего на секунду.

Но Андрей заметил.

— Откуда ты знаешь это название?

— Нашёл в старых бумагах.

— Каких бумагах?

— Отец что-то записывал.

Мать села напротив.

— Не ездь туда.

— Почему?

— Потому что твой отец ездил.

Андрей почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Когда?

— Перед смертью.

— Ты никогда не рассказывала.

— Ты никогда не спрашивал.

— Я спрашивал про него.

— Про смерть спрашивал. Не про последние дни.

Она достала из шкафа старую коробку.

Внутри лежали квитанции, фотографии, несколько ключей и маленькая записная книжка.

Мать открыла её.

На одной странице рукой отца было написано:

«17:42. Не четыре минуты. Четыре попытки».

Андрей перестал дышать.

— Что это?

— Я не знаю.

— Ты знала?

— Я знала только, что он боялся.

— Чего?

Мать закрыла книжку.

— Того, что однажды услышит голос твоего детства.

Андрей ничего не ответил.

Вечером он уехал от неё с записной книжкой в кармане.

Письмо Сергея лежало рядом.

Теперь поездка перестала быть чужой историей.

Она стала историей его семьи.

Перед уходом мать спросила:

— Ты ведь не один?

— Нет.

— С кем?

Андрей замялся.

Он не хотел произносить имя Сергея.

— По работе.

Мать посмотрела на него так, как смотрят люди, которые знают, что им лгут, но пока позволяют это делать.

— Ты никогда не умел врать.

— Научился.

— Нет. Просто стал говорить меньше.

Она улыбнулась.

Андрей вдруг почувствовал раздражение.

Не на неё.

На себя.

Он слишком долго откладывал разговоры с матерью, потому что считал, что время ещё есть.

Теперь письмо Сергея заставило его понять, насколько глупой была эта мысль.

Время никогда ничего не обещает.

Мать проводила его до двери.

— Позвони, когда доедешь.

— Хорошо.

— Андрей.

Он обернулся.

— Если увидишь отца...

Она осеклась.

Они оба замолчали.

— Что?

— Ничего.

— Мам.

— Просто не разговаривай с ним.

Андрей почувствовал, как по спине прошёл холод.

— Ты серьёзно?

Она кивнула.
— Почему?
— Потому что если это действительно он, значит, всё уже началось.
Он хотел спросить ещё.
Но мать закрыла дверь.
Андрей стоял на лестничной площадке и смотрел на неё.
В тот момент он понял: она знала больше, чем говорила.
И, возможно, все эти годы боялась не смерти отца.
Она боялась, что однажды сын тоже услышит его голос.
Он начал записывать всё.
Дата.
Время.
Место.
Что помнит.
Что не помнит.
Первой строкой написал:
«Не доверять воспоминаниям, которые появляются без причины».
Второй:
«Проверять факты у других людей».
Третьей:
«Не смотреть на часы в 17:42».
Он перечитал список.
Потом добавил:
«Если увидел отца — сначала спросить про часы».
Андрей сам не понял, почему написал именно это.
Но знал.
В Зоне часы были важнее лиц.
Лицо могло быть правильным.
Голос мог быть правильным.
Даже жесты.
Но время почти всегда выдавало подделку.
Вечером пришла мать.
Она принесла продукты.
— Ты похудел.
— Нормально.
— Нет.
Она поставила пакет на стол.
— Ты опять не ешь.
— Ем.
— Врёшь.
Андрей улыбнулся.
— Ты всё ещё меня читаешь.
— Я твоя мать.
Она посмотрела на холодильник.
— А это откуда?
Андрей обернулся.
Фотография моря снова висела на месте.
— Ты её видела?
— Конечно.

— Когда?
— Всегда.
Он ничего не сказал.
Мать посмотрела на него внимательнее.
— Что?
— Ничего.
Она подошла к холодильнику.
— Андрей.
— Да?
— Если ты что-то привёз оттуда, не тащи это сюда.
— Я ничего не привёз.
Она сняла магнит.
Под ним на холодильнике осталась маленькая царапина.
— Иногда достаточно памяти, — сказала она.
И выбросила фотографию.
Андрей хотел остановить её.
Не остановил.
Когда мать ушла, он достал фотографию из мусорного ведра.
На обороте появилась новая надпись:
«17:42 — не первое время».
Андрей долго смотрел на неё.
Потом положил фотографию в конверт.
И запер его.
Утром билет исчез.
Андрей поднял чашку.
Под ней ничего не было.
Он даже не удивился.
Максим, сидевший напротив, заметил его взгляд.
— Что?
— Билет.
— Какой?
— Последний.
Максим помолчал.
— Может, его никогда не было.
Андрей посмотрел на него.
— Я его видел.
— Я тоже.
— Тогда где он?
— Может, уже сделал то, зачем пришёл.
Андрей задумался.
В этот момент зазвонил телефон.
Номер был знакомым.
Виктор.
— Да?
— Андрей, у меня твой отец.
Андрей замер.
— Что значит «у тебя»?
— Я нашёл его вещи.
— Где?

— В старом гараже.
— Мы там были.
— Нет.
Виктор назвал адрес.
Другой.
Совсем другой.
— Приезжай один.
Андрей посмотрел на Максима.
— Я не один.
Виктор ответил:
— Тогда не приезжай.
Связь оборвалась.
Максим спросил:
— Поедешь?
— Да.
— Один?
Андрей покачал головой.
— Нет.
— Почему?
— Потому что мой отец всю жизнь пытался сделать именно это.
— Что?
— Чтобы я шёл один.
Максим усмехнулся.
— Тогда пойдём вдвоём.
Они вышли.
На улице было солнечно.
Обычный день.
И это почему-то казалось подозрительным.
После того как Сергей ушёл, Андрей позвонил матери.
— Мам, папа когда-нибудь возвращался на станцию после моего случая?
Мать долго молчала.
— Да.
— Когда?
— Через год.
— Один?
— Нет.
— С кем?
— С тобой.
Андрей замер.
— Я там был?
— Ты спал в машине.
— Почему ты мне никогда не рассказывала?
— Потому что утром ты проснулся и сказал, что всё забыл.
— А папа?
— Он не забыл.
Андрей почувствовал холод.
— Что он увидел?
— Не знаю.
— Мам.

— Он вернулся другим.

— Как Сергей?

— Нет.

Она помолчала.

— Сергей вернулся из Зоны живым.

— А папа?

— Твой отец вернулся из неё человеком, который знал, что часть его осталась там.

Андрей закрыл глаза.

— Что он оставил?

— Я не знаю.

— Ты уверена?

Мать тихо сказала:

— Он оставил страх.

— Только?

— Нет.

— Что ещё?

— Надежду.

Андрей сел.

— На что?

— Что однажды ты вспомнишь всё и не пойдёшь за ним.

После разговора Андрей достал тетрадь.

На первой странице написал:

«Папа вернулся. Но не полностью».

Под этим:

«Что осталось?»

Андрей решил проверить собственный почерк.

Он взял записку из детского рисунка.

Потом старую школьную тетрадь.

Потом страницу, которую утром нашёл на столе.

Буквы совпадали.

Но была одна особенность.

В детстве Андрей писал букву «д» иначе.

В найденной записке она была такой же, как у него сейчас.

Он позвонил матери.

— Мам, я когда-нибудь писал левой рукой?

— Нет.

— Ты уверена?

— Конечно.

— А в девять лет?

Мать замолчала.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто ответь.

— После станции ты несколько месяцев писал левой.

Андрей почувствовал холод.

— Почему?

— Ты говорил, что правая рука болит.

— Она болела?

— Нет.

— Тогда почему?

Мать тихо ответила:

— Ты говорил, что она не твоя.

Андрей положил телефон.

Он посмотрел на свою правую руку.

Впервые ему пришло в голову, что некоторые детские страхи могли быть не страхами.

Они могли быть воспоминаниями.

ГЛАВА 5

АРХИВ

Они бежали по коридору.

Пространство вокруг них менялось.

Двери появлялись там, где их не было.

На стенах возникали надписи.

17:42.

17:42.

17:42.

Андрей заметил дверь с надписью АРХИВ.

— Туда.

Внутри были шкафы.

Тысячи папок.

Сергей открыл первый ящик.

— Ищи журнал.

— Какой?

— Последний.

Андрей нашёл.

Обложка была исписана.

«Эксперимент №17».

На первой странице:

«Цель — создать окно наблюдения длительностью четыре минуты».

На второй:

«Окно сохраняет физическую информацию».

На третьей:

«Окно сохраняет сознание».

Андрей поднял глаза.

— Сознание?

— Да.

— Поэтому голоса?

— Поэтому мы.

Последняя запись была сделана за минуту до аварии.

«Если кто-то читает этот журнал, не пытайтесь закрыть окно изнутри. Оно воспринимает человека как часть эксперимента».

Андрей перевернул страницу.

Пусто.

— И всё?

Сергей покачал головой.

— Нет.

Он указал на нижний край страницы.

Там была строка, которой секунду назад не было:

«Первый человек уже вошёл».

Андрей почувствовал, как холод поднимается по спине.

— Кто?

Сергей ответил:

— Я.

[РАСШИРЕННАЯ СЦЕНА]

В архиве Андрей обнаружил папки, которых не существовало в каталоге. На корешках были годы: 2019, 2027, 2035, 2043. Между ними лежала одна папка без даты. Внутри находились фотографии людей, стоявших возле станции в разные годы. На каждой фотографии часы показывали одно и то же время.

— Они не стареют, — сказал Андрей.

— Не здесь.

Сергей рассказал, что после аварии некоторые сотрудники возвращались домой на несколько дней, а потом снова оказывались на станции. Для родственников они продолжали жить. Для самого человека между двумя событиями могло пройти несколько минут.

Андрей листал фотографии и внезапно увидел женщину. Он не знал её, но лицо показалось знакомым.

На обороте было написано: «Лена. Сестра Максима. Последний человек, который вышел добровольно».

— Кто такой Максим?

Сергей ничего не ответил.

— Ты его знаешь.

— Знаю.

— Где он?

Сергей закрыл папку.

— В 2043.

НОВАЯ РОМАННАЯ СЦЕНА

Дверь была зелёной.

Андрей запомнил это потому, что вся станция была серой.

Серые стены.

Серый пол.

Серые окна.

Только дверь оставалась зелёной, как старая школьная дверь из его детства.

— Не открывай, — сказал Сергей.

— Ты знаешь, что там?

— Да.

— Что?

— Комната, которую ты хочешь увидеть.

Андрей коснулся ручки.

Она была тёплой.

— Ты уже открывал её?

— Да.

— И что увидел?

Сергей отвернулся.

— Неважно.

— Важно.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если я расскажу, ты начнёшь ждать именно это.

Андрей убрал руку.

— А ты чего ждал?
Сергей ответил не сразу.
— Моего сына.
Андрей посмотрел на дверь.
— Он был там?
— Он был там таким, каким я хотел его помнить.
— Это не одно и то же.
— Теперь ты понимаешь.
Из-за двери слышался смех.
Детский.
Сергей закрыл глаза.
Андрей увидел, как у него дрогнула рука.
— Он зовёт тебя?
— Нет.
— Тогда почему ты боишься?
Сергей посмотрел на него.
— Потому что однажды я ответил.
Внутри двери что-то упало.
Андрей сделал шаг назад.
Сергей тихо сказал:
— Именно поэтому Зона знает, что ты здесь.
На станции Андрей понял, что фотографии иногда врут меньше людей.
Он стоял возле старого указателя и рассматривал снимок, найденный в архиве. На фотографии была та же платформа, тот же навес, тот же ржавый столб.
Только на снимке стоял человек.
Мужчина в тёмной куртке.
Лица почти не видно.
Андрей увеличил изображение на телефоне.
Мужчина держал в руке часы.
17:42.
— Чёрт.
— Что?
Андрей обернулся.
Никого.
Только ветер гонял по платформе сухие листья.
Он снова посмотрел на фотографию.
Мужчина исчез.
Андрей замер.
Потом провёл пальцем по экрану.
Изображение вернулось.
Мужчина был на месте.
Он усмехнулся.
— Нервы.
Именно в этот момент подошла женщина лет шестидесяти.
— Вы кого-то ждёте?
— Нет.
— Тогда вам здесь делать нечего.
— Почему?
Она посмотрела на станцию.

— Здесь давно никто ничего не ждёт.

— А поезд №17?

Женщина побледнела.

— Кто вам сказал этот номер?

— Сергей.

Она молчала.

— Вы его знаете?

— Знала.

— Что с ним случилось?

— Он однажды дождался.

— Чего?

Женщина посмотрела на часы.

17:41.

— Поезда.

— И сел?

— Нет.

— Тогда что?

Она тихо сказала:

— Он вышел из поезда.

Андрей хотел спросить, что это значит, но женщина уже уходила.

— Подождите!

Она остановилась.

— Не стойте здесь в 17:42.

— Почему?

Женщина посмотрела на него.

— Потому что в это время станция вспоминает тех, кто здесь был.

И ушла.

Андрей остался один.

17:41.

Одна минута.

Он вдруг понял, что больше не хочет проверять, права ли она.

Но поездка уже была совершена.

И некоторые двери начинают открываться задолго до того, как ты берёшься за ручку.

Андрей долго сидел в машине, не включая двигатель.

После разговора с матерью ему впервые захотелось вернуться домой.

Не потому, что он испугался.

Потому что вдруг понял, что оставил слишком много незаконченного.

Он достал телефон.

Открыл переписку с матерью.

Последнее сообщение:

«Позвони, когда доедешь».

Он набрал номер.

— Да?

— Мам.

— Ты уже уехал?

— Да.

— Далеко?

— Ещё нет.

Молчание.

— Ты что-то хотела сказать перед моим уходом.
— Ничего.
— Ты сказала про отца.
— Андрей...
— Он действительно был там?
Мать тяжело вздохнула.
— Да.
— И Сергей?
— Да.
— Что они искали?
— Выход.
Андрей усмехнулся.
— Все говорят про выход.
— Потому что никто не понимает, что ищет на самом деле.
— А ты понимаешь?
— Я понимаю только одно. Твой отец вернулся другим.
Андрей замолчал.
— В каком смысле?
— Он стал очень спокойным.
— Разве это плохо?
— Он перестал бояться смерти.
— Это тоже не обязательно плохо.
— Он перестал бояться всего.
Эти слова Андрей запомнил.
— Когда он умер, — продолжила мать, — я впервые увидела страх на его лице.
— Почему?
— Потому что он снова начал что-то вспоминать.
— Что?
— Тебя.
Андрей закрыл глаза.
— Я был рядом с ним.
— Нет.
Мать сказала это очень тихо.
— Ты был для него воспоминанием.
Связь оборвалась.
Андрей ещё долго держал телефон у уха.
Потом завёл двигатель.
Теперь он понимал: его отец тоже когда-то стоял перед этой дорогой.
И, возможно, именно здесь началась история, которую Андрей пытался закончить.
Дорога становилась всё тише.
Андрей ехал уже почти без музыки.
Он привык к шуму двигателя, к шороху шин, к редким порывам ветра.
В какой-то момент ему позвонил старый знакомый — Виктор.
— Ты куда пропал?
— Еду по делам.
— Каким?
— Долгим.
— Ты всегда отвечаешь так, когда что-то скрываешь.
Андрей улыбнулся.

— Ты ничего не изменил.
— А ты изменился.
— В каком смысле?
— Говоришь как человек, который решил уехать навсегда.
Андрей посмотрел на дорогу.
— Может, просто устал.
— От чего?
Он не ответил.
Виктор замолчал.
— Помнишь Сергея?
Андрей напрягся.
— Почему спрашиваешь?
— Потому что вчера мне звонил его номер.
Андрей резко сбросил скорость.
— Что он сказал?
— Ничего.
— Как это?
— Я поднял. Молчание. Потом четыре гудка. И связь оборвалась.
Андрей посмотрел на экран.
— Ты уверен, что номер был его?
— Уверен.
— Он у тебя сохранён?
— Да.
— Никому не давай этот номер.
— Почему?
— Просто не давай.
— Андрей, что происходит?
Он хотел рассказать.
Не смог.
— Я потом объясню.
— Ты знаешь, что если говоришь «потом», значит, уже поздно?
Связь оборвалась.
Андрей остановил машину.
Перед ним была развилка.
Налево — Северный-17.
Направо — город.
Он сидел минуту.
Потом две.
И понял, что уже не выбирает.
Он просто пытается отложить неизбежное.
Андрей повернул налево.
В следующие дни он пытался жить нормально.
Работа.
Магазин.
Кофе.
Сон.
Ничего особенного.
И именно это оказалось самым трудным.
Раньше Андрей не замечал, сколько в обычной жизни маленьких повторений.

Один и тот же автобус.
Одна и та же женщина с собакой.
Мужчина, который каждое утро покупал газету.
Теперь Андрей замечал всё.
Потому что в Зоне любое повторение могло означать ловушку.
Однажды женщина с собакой прошла мимо него дважды.
Через минуту — снова.
Андрей остановился.
Она прошла ещё раз.
Он посмотрел на часы.
17:41.
Сердце ударило сильнее.
Женщина остановилась.
Собака посмотрела прямо на него.
— Вы в порядке? — спросила женщина.
Андрей не ответил.
Она нахмурилась.
— Вам плохо?
Он посмотрел на часы.
17:42.
На секунду улица исчезла.
Ни машин.
Ни людей.
Только платформа.
И красный свет вдали.
Андрей моргнул.
Всё вернулось.
17:43.
Женщина ушла.
Он остался стоять.
Телефон зазвонил.
Номер был неизвестен.
— Да?
Тишина.
Потом детский голос:
— Папа?
Андрей закрыл глаза.
— Кто это?
— Ты обещал прийти.
— Кто говорит?
— Ты же обещал.
Связь оборвалась.
Андрей посмотрел на экран.
Номер исчез из истории звонков.
Он не пошёл домой.
Вместо этого зашёл в ближайшее кафе.
Сел у окна.
Попросил кофе.
Официант поставил чашку.

— С вас двести сорок.
Андрей достал деньги.
На одной купюре было написано ручкой:
«НЕ ОТВЕЧАЙ».
Он посмотрел на официанта.
— Это ваше?
— Что?
Андрей перевернул купюру.
Надписи не было.
Только обычные цифры.
Он убрал деньги.
И понял, что теперь будет проверять даже собственные руки.
Воронцовский архив они нашли в старом гараже.
Ключ дал человек, которого Андрей никогда не видел.
Он просто подошёл на улице и сказал:
— Вы Андрей?
— Да.
— Тогда это вам.
И протянул конверт.
— От кого?
— От вашего отца.
Андрей взял конверт.
— Когда он вам его передал?
Человек задумался.
— Вчера.
— Где?
— Здесь.
Он указал на гараж.
— Но это невозможно.
— Возможно.
Человек ушёл.
Андрей и Максим открыли гараж.
Внутри стояли коробки.
На первой было:
«ДО ЭКСПЕРИМЕНТА».
На второй:
«ПОСЛЕ».
На третьей:
«ПОСЛЕ ПОСЛЕ».
Максим посмотрел на Андрея.
— Это уже начинает раздражать.
— Меня тоже.
Они открыли первую коробку.
Внутри были фотографии.
Вторая содержала документы.
Третья — один предмет.
Старые наручные часы.
На циферблате было 17:42.
Андрей взял их.

Стрелка секундной шкалы двигалась назад.

Максим сказал:

— Положи.

Андрей не послушал.

Часы остановились.

17:38.

Потом 17:39.

17:40.

17:41.

17:42.

Андрей понял.

— Они не показывают время.

— А что?

— Отсчитывают до него.

Максим посмотрел на часы.

— Тогда сколько осталось?

Андрей ответил:

— Ничего.

Секундная стрелка продолжила движение.

17:43.

Максим побледнел.

— Она прошла точку.

— Да.

— Что будет?

Андрей посмотрел на часы.

17:44.

— Не знаю.

В этот момент в глубине гаража раздался звук открывающейся двери.

Но двери там не было.

Через неделю жизнь почти вернулась в привычный ритм.

Андрей снова ходил на работу.

Покупал продукты.

Звонил матери.

Иногда встречался с Максимом.

Они почти не говорили о Зоне.

Это было странно.

Но полезно.

Однажды Максим спросил:

— Как думаешь, она действительно отпустила нас?

Андрей ответил:

— Не знаю.

— А если нет?

— Тогда узнаем.

Максим улыбнулся.

— Ты стал спокойнее.

— Просто понял, что невозможно контролировать всё.

— Раньше ты пытался.

— Раньше я не знал, сколько стоит такая попытка.

Они сидели в кафе.

За соседним столиком мужчина спорил по телефону.
Кто-то смеялся.
Бариста уронил чашку.
Обычный шум.
Максим посмотрел в окно.
— Знаешь, чего я больше всего боюсь?
— Чего?
— Что забуду Лену.
Андрей помолчал.
— Ты её не забудешь.
— Откуда знаешь?
— Потому что память — не обязанность помнить каждую деталь.
— А что тогда?
— Помнить, кем человек был для тебя.
Максим кивнул.
— Это звучит правильно.
— Не знаю, правильно ли.
— Для меня — да.
Они допили кофе.
На улице прошёл поезд.
Обычный.
Городской.
Максим вздрогнул.
Андрей заметил.
— Нормально.
— Я знаю.
Максим посмотрел вслед поезду.
— Просто теперь я умею различать.
— Что?
— Когда поезд едет.
— И когда поезд ждёт.
Андрей улыбнулся.
— Это уже много.
Вечером Андрей снова достал тетрадь отца.
Он ожидал увидеть там объяснение.
Вместо этого обнаружил список.
Семнадцать фамилий.
Некоторые были зачёркнуты.
Рядом с каждой стояла дата.
И одно и то же время:
17:42.
Но у последней записи времени не было.
Там стояло только:
«18 — не считать».
Андрей долго смотрел на эту строчку.
Потом перевернул страницу.
На обороте отец написал:
«Если он спросит, почему его нет в списке, не говори, что его внесли позже».
Андрей почувствовал, как внутри всё сжалось.

Он перечитал.

«Внесли позже».

Не «добавили».

Не «записали».

Именно — внесли.

Будто Андрей существовал отдельно от остальных, а потом кто-то поставил его имя рядом с ними.

Ниже была ещё одна фраза:

«Самое страшное — не то, что они помнят. Самое страшное — кто помнит их».

Андрей закрыл тетрадь.

В ту ночь он почти не спал.

В 17:42 следующего дня он специально посмотрел на часы.

Ничего не произошло.

17:43.

Он выдохнул.

И тут пришло сообщение с неизвестного номера.

Всего два слова:

«НЕ ВСЕ».

Андрей несколько секунд смотрел на экран.

Потом номер исчез из истории сообщений.

Он не стал искать его.

Впервые он понял: иногда отсутствие ответа тоже является ответом.

Андрей снова посмотрел на фотографию.

Третий человек стоял слишком далеко, чтобы рассмотреть лицо.

Но он узнал одежду.

Тёмное пальто.

Светлая рубашка.

И часы на левой руке.

Часы отца.

Андрей достал свои.

Они были старые, потёртые, с царапиной возле цифры четыре.

На фотографии царапины не было.

Он увеличил снимок.

Часы показывали 17:42.

А рядом с третьим человеком была открытая дверь.

Андрей позвонил матери.

— Мам, у папы были другие часы?

— Нет.

— Ты уверена?

— Он носил одни и те же почти всю жизнь.

— А когда он умер?

Пауза.

— Что ты хочешь узнать?

— Что он делал в последние дни.

Мать тяжело вздохнула.

— Он собирался уехать.

— Куда?

— Говорил, что должен кое-что закончить.

— На станцию?

— Нет.

— Тогда куда?

— В лес.

Андрей записал адрес.

— Почему ты мне не говорила?

— Потому что он просил.

— О чём?

— Если ты когда-нибудь начнёшь искать, я должна была сказать тебе, что он не искал дверь.

Андрей замолчал.

— Что же он искал?

Мать ответила:

— Того, кто её открыл.

Андрей вернулся к старой записи Воронцова.

Теперь он слушал её иначе.

Не как доказательство.

Как разговор.

Он перемотал до момента, где ребёнок говорил о другом себе.

«Он ждёт».

Андрей остановил запись.

И понял, что всё это время пропускал одну деталь.

Ребёнок не сказал: «Он меня ждёт».

Он сказал:

«Он ждёт».

Не кого-то.

Не выхода.

Просто ждёт.

Андрей записал это в тетрадь.

Под ним:

«Возможно, Зона не создаёт двойников. Возможно, она сохраняет варианты».

Он задумался.

Если так, то человек внутри не был копией.

Он был возможностью.

Жизнью, которую человек мог прожить иначе.

Тогда отец действительно мог встретить Андрея до его рождения.

Не потому, что видел будущее.

А потому, что увидел одну из возможных версий своего сына.

И если эта версия однажды решила войти...

Андрей не закончил мысль.

Он боялся следующего вывода.

Возможно, настоящий Андрей тоже когда-то сделал выбор.

Просто забыл какой.

ГЛАВА 6

ПЕРВАЯ ДВЕРЬ

Они вернулись в центральную камеру.

Генератор гудел.

В центре кольца стоял человек.

Андрей.

Только другой.

Он был весь в крови.

— Не подходи, — сказал Сергей.

Двойник поднял голову.

— Андрей, ты не понимаешь.

— Что?

— Если выключишь генератор, всё исчезнет.

— И что?

— Я.

Андрей посмотрел на него.

— Ты не настоящий.

Двойник усмехнулся.

— А кто решает, кто настоящий?

Он сделал шаг.

Сергей достал пистолет.

— Стой.

Двойник рассмеялся.

— Ты уже говорил это.

— Когда?

— Каждый раз.

Андрей понял.

Цикл не просто повторял события.

Он сохранял решения.

Каждый выбор становился частью следующего цикла.

Если он выстрелит, следующий Андрей услышит выстрел.

Если Сергей выключит генератор, следующий Сергей увидит отключение.

Они не повторяли время.

Они накапливали варианты.

— Как это остановить? — спросил Андрей.

Сергей ответил:

— Сделать то, чего ещё никто не делал.

— Что?

— Не выбирать.

Андрей посмотрел на генератор.

Потом на дверь.

Потом на Сергея.

Он положил пистолет.

И выключил свет.

[РАСШИРЕННАЯ СЦЕНА]

Двойник не выглядел чудовищем. Именно это пугало сильнее всего. У него было лицо Андрея, его голос и даже маленькая привычка слегка шуриться, когда он думал. Но движения были неправильными. Он всегда делал паузу на полсекунды позже, чем должен был живой человек.

— Ты помнишь свою первую поездку сюда? — спросил он.

Андрей ответил:

— Я никогда здесь не был.

— Вот поэтому ты и проигрываешь.

Сергей велел ему не слушать.

Двойник улыбнулся.

— Он тоже так говорил. Потом попросил меня помочь.

— Кому? — спросил Андрей.

— Тебе.

Внезапно погас свет. Когда он вернулся, двойника не было. На полу лежала только мокрая перчатка. Андрей поднял её и почувствовал запах дыма.

— Он уходит? — спросил он.

— Нет, — ответил Сергей. — Он просто выбирает другую дверь.

Всю дорогу Андрей думал о записной книжке.

Он несколько раз хотел остановиться и перечитать её, но не останавливался.

Ему казалось, что если открыть книжку снова, строчки изменятся.

В итоге он всё-таки свернул на обочину.

Открыл.

На первой странице были обычные записи.

Расходы.

Номера телефонов.

Список покупок.

Потом — несколько дат.

Имена.

Одно имя было зачёркнуто.

Сергей.

Андрей провёл пальцем по бумаге.

Под именем стояло:

«Он утверждает, что поезд приходит дважды».

Ниже:

«Первый раз — для тех, кто хочет вернуть».

Ещё ниже:

«Второй — для тех, кто хочет забыть».

Андрей перевернул страницу.

Пусто.

Следующая — тоже.

Только на последней странице была фраза:

«Если увидишь себя, не спрашивай, кто настоящий».

Он закрыл книжку.

И только тогда заметил человека на противоположной стороне дороги.

Мужчина стоял возле старого дорожного знака.

Андрей смотрел на него.

Мужчина смотрел на него.

Потом поднял руку.

Не помахал.

Просто показал на часы.

Андрей посмотрел на свои.

17:42.

Он снова поднял глаза.

Мужчины не было.

Двигатель автомобиля продолжал работать.

На панели мигала цифра времени.

17:42.

Андрей понял, что прошло всего несколько секунд.

Но ощущение было таким, будто он просидел на обочине час.

Он записал в телефон:
«При 17:42 время субъективно искажается».
Потом подумал и добавил:
«И появляются люди».
Он хотел поставить машину на передачу.
Телефон зазвонил.
Номер отсутствовал.
— Да?
Его собственный голос сказал:
— Не записывай.
Связь оборвалась.
Андрей медленно положил телефон.
Теперь он ехал дальше уже не за ответами.
Он ехал с пониманием, что кто-то или что-то наблюдает за каждым его решением.
Всю дорогу он пытался позвонить Сергею.
Первый раз — автоответчик.
Второй — тишина.
Третий — звонок даже не пошёл.
Андрей остановился возле бензоколонки.
Внутри магазина было тепло.
Продавец листал журнал.
— Кофе?
— Да.
— С сахаром?
— Без.
Андрей поставил чашку на стойку.
— Вы знаете Северный-17?
Продавец посмотрел на него.
— Почему все спрашивают одно и то же?
— Кто ещё спрашивал?
— Мужчина. Лет пятьдесят.
— Сергей?
Продавец нахмурился.
— Может быть.
— Когда?
— Вчера.
Андрей замолчал.
— А он куда поехал?
— Туда.
Продавец показал на дорогу.
— Вы уверены?
— Он спросил то же самое.
— И что вы ему сказали?
— Что туда лучше не ездить.
— Он послушал?
Продавец усмехнулся.
— Если бы послушал, вы бы сейчас здесь не стояли.
Андрей выпил кофе.
— А поезд №17?

Продавец поставил журнал на место.
— Вы много знаете.
— Я просто спрашиваю.
— Не спрашивайте.
— Почему?
Продавец посмотрел ему прямо в глаза.
— Потому что иногда место отвечает.
Андрей хотел рассмеяться.
Но не смог.
Он расплатился и вышел.
Возле машины стоял мальчик.
Лет десяти.
Тот самый возраст.
Мальчик посмотрел на него и спросил:
— Вы тоже к папе?
Андрей застыл.
— К какому папе?
Мальчик пожал плечами.
— К своему.
И убежал за здание.
Андрей остался один.
Он не знал, был ли мальчик настоящим.
Но теперь ему стало ясно: Северный-17 уже начал говорить с ним.
К вечеру Андрей понял, что устал.
Он остановился на парковке возле леса и просто сидел в машине.
На пассажирском сиденье лежала записная книжка отца.
Андрей открыл её.
На одной из страниц была обычная запись:
«Купить хлеб».
Ниже:
«Позвонить Андрею».
Ещё ниже:
«Не забыть сказать, что горжусь им».
Андрей перечитал последнюю строку.
Потом ещё раз.
Он никогда этого не слышал.
Ни разу.
Не помнил, чтобы отец вообще говорил такие слова.
Возможно, отец собирался сказать.
Не успел.
Андрей закрыл глаза.
И вдруг услышал:
— Я горжусь тобой.
Он резко открыл глаза.
В машине никого.
Двигатель выключен.
Двери закрыты.
Он сидел один.
Голос повторился.

— Я горжусь тобой.
На этот раз из заднего сиденья.
Андрей не обернулся.
Он знал, что если повернётся, то увидит его.
И именно поэтому не повернулся.
Через несколько секунд голос исчез.
На часах было 17:42.
Андрей включил двигатель.
В зеркале заднего вида сиденье было пустым.
Но на нём лежала старая фотография.
Андрей не взял её.
Он просто поехал.
Потому что впервые понял простое правило:
Если Зона даёт тебе то, чего ты ждал всю жизнь, цена уже оплачена.
Через три дня Сергей позвонил снова.
— Нам нужно съездить туда.
Андрей сразу понял.
— Нет.
— Ты даже не спросил куда.
— Северный-17.
Тишина.
— Откуда ты знаешь?
— Потому что каждый раз, когда ты говоришь «туда», речь идёт об одном месте.
Сергей усмехнулся.
— Ладно.
— Я не хочу возвращаться.
— Я тоже.
— Тогда зачем?
— Потому что архив неполный.
— И?
— Воронцов оставил последнюю часть записей на станции.
Андрей молчал.
— Там есть ответ про третью дверь, — сказал Сергей.
— Ты уверен?
— Нет.
— Тогда зачем ехать?
— Потому что иногда достаточно знать, где искать вопрос.
Андрей согласился.
Но перед поездкой сделал то, чего раньше не делал.
Он оставил матери письмо.
Не про Зону.
Не про четыре минуты.
Просто написал, где находится.
И попросил открыть письмо только через сутки.
Когда они встретились, Сергей принёс старый рюкзак.
Внутри были фонарь, вода, аптечка и маленький диктофон.
Андрей посмотрел на него.
— Ты серьёзно?
— В прошлый раз я тоже был серьёзным.

— И чем закончилось?
— Я потерял восемь лет.
Андрей сел в машину.
— Хороший аргумент не ехать.
Сергей завёл двигатель.
— Уже поздно.
— Почему?
Сергей посмотрел на часы.
17:39.
— Потому что мы уже начали.
Андрей посмотрел на часы на приборной панели.
Они показывали 17:42.
Сергей заметил его взгляд.
— Вот теперь мне тоже страшно.
Андрей нашёл Сергея через два дня.
Тот сидел в маленьком кафе на окраине.
Перед ним стоял кофе.
— Ты знаешь, кто вышел из поезда?
Сергей посмотрел на него.
— Знаю.
— Кто?
— Не ты.
Андрей сел.
— Тогда кто?
Сергей достал фотографию.
На ней были Андрей и Максим.
Они стояли возле станции.
Но рядом с ними был третий человек.
Сергей.
— Это невозможно.
— Почему?
— Потому что ты остался на платформе.
— Да.
— А здесь ты в поезде.
— Значит, фотография сделана не в тот момент.
— Когда?
Сергей посмотрел на часы.
— Через восемь лет.
Андрей почувствовал знакомый холод.
— Опять восемь лет.
— Зона любит повторять числа.
— Почему?
— Потому что человеку кажется, что повторение что-то объясняет.
— А разве нет?
— Иногда повторение просто показывает, что ты всё ещё внутри.
Сергей убрал фотографию.
— Ты должен забыть поезд.
— Не могу.
— Почему?

— Потому что там была Лена.
Сергей посмотрел на него.
— Там была её память.
— Для Максима это почти одно и то же.
— Вот поэтому он опасен.
— Для кого?
— Для себя.
Андрей замолчал.
Сергей допил кофе.
— Максим пойдёт обратно.
— Я знаю.
— Ты пойдёшь с ним.
— Возможно.
Сергей покачал головой.
— Нет.
— Почему?
— Потому что на этот раз Зона ждёт именно тебя.
Андрей посмотрел на него.
— Откуда ты знаешь?
Сергей ответил:
— Потому что я видел твоё будущее.
— Что там?
— Ты открываешь дверь.
— И?
— Потом закрываешь её.
— Это всё?
Сергей посмотрел ему в глаза.
— Нет. Самое страшное — кто остаётся по другую сторону.
Они поехали к старому архивному зданию утром.
Документы Виктора указывали на место, которого не было на современных картах.
Небольшой кирпичный корпус.
Закрытый в конце девяностых.
На двери висел замок.
Максим достал ключ.
— Откуда?
— Из вещей Лены.
Замок открылся.
Внутри пахло бумагой и пылью.
На стене сохранилась табличка:
«СЕКТОР Н-0».
Андрей остановился.
— Н-0.
— Нулевой уровень.
Они прошли дальше.
В архиве было четыре ряда шкафов.
Три пустых.
Четвёртый заперт.
На нём стоял номер:
17.

Максим посмотрел на Андрея.
— Опять.
Андрей нашёл ключ в ящике стола.
Открыл шкаф.
Внутри лежали папки.
Самая старая датировалась 1964 годом.
Задолго до Воронцова.
Первая запись:
«Объект обнаружен при строительстве линии».
Вторая:
«Внутри помещения обнаружены четыре двери».
Третья:
«Пятая дверь появилась после первого свидетеля».
Андрей замер.
— Свидетель.
Максим перелистнул.
«Свидетель — мальчик, возраст девять лет».
Андрей закрыл глаза.
— Опять девять.
Максим продолжил:
«Ребёнок утверждает, что помещение принадлежит ему».
Следующая страница была вырвана.
Осталась только последняя строка:
«После исчезновения ребёнка дверь №5 закрылась».
Андрей посмотрел на Максима.
— Кто был ребёнком?
Максим покачал головой.
— Имя вырвано.
На стене за шкафом что-то щёлкнуло.
Они обернулись.
В кирпичной стене появилась тонкая линия.
Контур двери.
Андрей прошептал:
— Она была здесь всё это время.
Максим ответил:
— Нет.
— Почему?
— Потому что стены старше архива.
Линия стала ярче.
И дверь открылась сама.
На следующий день Андрей впервые решил проверить не станцию, а людей.
Он составил список всех, кто хоть как-то был связан с Северным-17.
Воронцов.
Сергей.
Отец.
Михаил.
Лена.
Ещё девять фамилий.
Некоторые исчезали из архивов сразу после первого упоминания.

Некоторые продолжали жить обычной жизнью, словно ничего не происходило.
А один человек оказался особенно странным.
Евгений Романов.
В документах он значился инженером станции.
Но после 1971 года его фамилия исчезала.
Андрей нашёл старый адрес.
Дом оказался пуст.
На двери висела записка:
«Почту не приносить».
Он уже собирался уходить, когда заметил номер квартиры.
17.
Андрей постучал.
Никто не ответил.
Он постучал ещё раз.
Изнутри раздался голос:
— Вы поздно.
Андрей замер.
— Я ищу Романова.
— Я знаю.
— Вы он?
Пауза.
— Нет.
— Тогда кто?
Дверь приоткрылась.
На пороге стоял пожилой мужчина.
— Человек, который должен был умереть сорок лет назад.
Андрей ничего не сказал.
Мужчина посмотрел ему в глаза.
— А вы тот мальчик, которого не должно было быть.
Дверь закрылась.
Андрей остался в коридоре.
И впервые ему стало страшно не от того, что он узнал.
А от того, что его узнали.
На поляне не было ничего, что напоминало бы о происшествии.
Только бетонный столб.
Четыре царапины.
И старое дерево.
Михаил достал из сумки фотографию.
— Это сделали до того, как здесь появилась станция.
На снимке стояли четверо детей.
Андрей узнал одного.
Михаил.
Рядом — девочка.
Потом мальчик.
И ещё один ребёнок, лицо которого было заклеено белой полоской.
— Почему лицо закрыто?
— Потому что его имя нельзя было записывать.
— Почему?
— Так сказали взрослые.

Андрей посмотрел на Михаила.

— Кто?

— Человек, который первым открыл дверь.

— Его имя?

Михаил достал старый лист.

— Николай Сергеевич Воронцов.

Андрей замер.

— Воронцов?

— Да.

— Но он же руководил экспериментом.

— Позже.

— А до него?

Михаил ответил:

— До него он был ребёнком.

На обратной стороне фотографии стояла дата:

«17 июня 1964».

И одна запись:

«Четверо вошли. Трое вышли».

Андрей спросил:

— Кто не вышел?

Михаил посмотрел на заклеенное лицо.

— Тот, кого никто не должен был помнить.

На следующий день Андрей впервые за долгое время проснулся без тревоги.

Он не проверил часы.

Не посмотрел на дверь.

Не стал искать телефон.

Просто встал и пошёл на кухню.

Мать сидела у окна.

— Ты сегодня другой, — сказала она.

— Наверное.

— Нашёл?

Андрей остановился.

— Что?

— То, что искал.

Он сел напротив.

— Да.

Мать кивнула.

— И что это?

Андрей подумал.

— Разрешение жить дальше.

Она улыбнулась.

— Тогда твой отец всё-таки добился своего.

— Он слишком долго к этому шёл.

— Некоторые вещи нельзя объяснить быстро.

Андрей посмотрел на неё.

— Ты знала про Дом?

Мать отвела взгляд.

— Знала.

— Почему не сказала?

— Потому что твой отец попросил.
— А если бы я сам вспомнил?
— Тогда я бы сказала правду.
— Какую?
Она долго молчала.
— Что дверь появилась в твоей комнате за три дня до твоего исчезновения.
Андрей замер.
— И ты её видела?
— Да.
— Что было за ней?
Мать посмотрела прямо на него.
— Твой отец.
— Живой?
— Нет.
Пауза.
— Моложе.
Андрей понял.
Даже мать однажды увидела вариант человека, которого ещё не было.
Но она не вошла.
И поэтому осталась собой.

ГЛАВА 7

ТЕМНОТА

Темнота была абсолютной.
Андрей не видел Сергея.
Не слышал его дыхания.
Но слышал десятки других голосов.
— Андрей.
— Андрей.
— Андрей.
Он закрыл глаза.
Один голос звучал совсем рядом.
— Не бойся.
Он узнал его.
Собственный.
— Кто ты?
— Ты, который остался.
— Где?
— В четырёх минутах.
Андрей открыл глаза.
Перед ним была железнодорожная платформа.
На ней стоял поезд.
№17.
Двери открылись.
В первом вагоне сидел Сергей.
— Садись.
— Куда едем?
— В 2043.
Андрей не двигался.

— Я должен остановить это сейчас.

Сергей покачал головой.

— Сейчас уже поздно.

— Почему?

— Потому что первая дверь никогда не была входом.

— А чем?

Сергей посмотрел в окно.

— Предупреждением.

Поезд тронулся.

За стеклом исчезла станция.

Андрей впервые увидел Зону целиком.

Это был не лес.

Не станция.

Не лаборатория.

Это было множество мест, наложенных друг на друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.